

Р. Б. ТАРКОВСКИЙ

Старшие русские переводы как сюжетные источники притч А. П. Сумарокова

I

Не менее двух третей сумароковских притч (до 270 басен из 375 написанных Сумароковым) — переводы или, чаще, свособразные переработки сюжетов Эзопа, Федра, Филельфа, Бидпая, Локмана, Поджо, Абстемия, Ламотта, Гольберга, Геллерта, Лафонтена. Сумароков так или иначе опирается на восточных и западных, античных и новых баснописцев и прежде всего на вобравшее в себя огромный повествовательный материал творчество Лафонтена. Греческие и латинские, индусские и арабские басни, средневековые фавль и шванки воспринимаются Сумароковым главным образом через посредство французского баснописца и его творческую интерпретацию.

Однако поиски источников притч Сумарокова нужны не ради отождествления их с известными сюжетными схемами и тем более не ради истории самих этих сюжетов. Тут важно не констатирование исходной принадлежности фавлы, а выяснение и определение тех непосредственных или, по возможности, ближайших текстов, с которыми мог и даже неизбежно должен был быть знаком Сумароков и в той или иной мере опирался на них, исходил из них или преодолевал их. Это совершенно обязательно уже для выявления собственной творческой инициативы баснописца, чтобы не причислять к индивидуально сумароковскому то, что принадлежало его предшественникам. Но еще существеннее, что сюжетно-текстуальное сопоставление притч Сумарокова с их прямыми или наиболее вероятными источниками и ближайшими параллелями доставляет благодатнейший материал для вскрытия жанровых особенностей сумароковской басни. Направленность и методы поэтической обработки традиционных фавл, то оригинальное или новое, что привнес в готовые жанровые формы и схемы сам Сумароков, как равно и уяснение, от чего он отталкивался, — представляются необходимым условием для выявления той специфики, которая определяет творческую манеру и жанровую стилистику крупнейшего из русских предшественников Крылова.

Естественно, что установление сюжетных источников сумароковских притч предполагает возможно более широкое обследование всего круга материалов, которыми реально мог располагать баснописец, хотя и такое обследование далеко не всегда может привести к однозначно определенному ответу. Так, например, когда Сумароков ограничивался лишь самым кратким, в десяток, а то и меньше стихотворных строк переложением сюжетной схемы, что равно могла быть извлечена из любого параллельного варианта, — исследователю поневоле приходится довольство-